21987

5 0 4

ТУ-19-241-82

3

3

студия
ДИАФИЛЬМ

ВОСПОМИНАНИЕ О КАМЕРНОМ ТЕАТРЕ АЛЕКСАНДРА ТАИРОВА И АЛИСЫ КООНЕН

НА МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКЕ, УКРАШАЮЩЕЙ ФОЙЕ МОСКОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. А. С. ПУШКИНА, ВЫСЕЧЕНЫ ДВА ИМЕНИ — АЛЕКСАНДР ТАИРОВ, АЛИСА КООНЕН. ОТЛИТЫЕ В БРОНЗЕ, ОНИ ДАВНО УЖЕ ПРИНАДЛЕЖАТ ИСТОРИИ, НО ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИХ ИСКУССТВЕ, О СОЗДАННОМ ИМИ КАМЕРНОМ ТЕАТРЕ И СЕГОДНЯ ВОЛНУЮТ НАС.

Такими они были в далеком 1913 году, когда судьба в лице известного режиссера Константина Марджанова (организатора Свободного театра) свела их вместе в работе над спектаклем «Покрывало Пьеретты». Несмотря на молодость, они не были дебютантами.

Александр Таиров уже испытал себя не только любительской, но и профессиональной сценой. Вначале в Киеве, потом в Петербурге: в театре В.Ф. Комиссаржевской и в Передвижном театре П.П. Гайдебурова. Много играл в провинции. Пробовал себя в режиссуре. Ставил Чехова, Леонида Андреева, Ибсена, Шоу.

Алиса Коонен в свои неполные 25 лет была уже хорошо известна московской театральной публике. Любимая ученица К.С. Станиславского, она с успехом играла в спектаклях Художественного театра.

Маша.
«Живой труп»
Л. Толстого.

Не принимая ни одного из существовавших сценических направлений, Таиров и Коонен представляли театр как искусство больших страстей, праздничной, яркой формы и безупречного мастерства. Их первый спектакль в Свободном театре—пантомима «Покрывало Пьеретты»—дерзкая проба таировской идеи о сближении балета и драмы, первый подступ к созданию своего театра.

А. Коонен, Н. Церетелли. Фото 1919 г.

«Мы не сторонники изображения на сцене повседневности,—заявлял Таиров,—*нудных будней и переживаний, которых в жизни и без того много, поэтому хочется уйти в прекрасную легенду, творимую искусством».* Такой «прекрасной легендой» станет созданный Таировым в 1914 году Московский Камерный театр.

«Сакунтала». 1914 г.

«Как возникает утро? Как возникает весна? Как возникает человеческое творчество? Так и возник Камерный театр — со всей непостижимостью и всей стихийной логичностью подобного возникновения. Он должен был возникнуть — так было начертано в книге театральных судеб».

Александр Таиров

Первая афиша Камерного театра. 1914 г.

Уже первые спектакли уютного маленького театра на Тверском бульваре, начиная с «Сакунталы» Калидасы, будет отличать особый, возвышенный культ красоты.

«Благовещенье» П. Клоделя. 1920 г.

На сцене утверждалась иная, далекая от житейских бурь и тревог театральная действительность поэтического мифа, философской притчи или фантастического карнавала.

В каждом спектакле ожидала встреча с новым талантливым художником—с С. Судейкиным в «Женитьбе Фигаро», с замечательными пейзажами Н. Гончаровой и М. Ларионова в «Веере» Гольдони, с кубистской живописью А. Экстер в «Саломее» Уайльда и «Фамире-Кифарэд» Анненского...

«Фамира-Кифарэд»(1916)—трагический спектакль о певце, осмелившемся вызвать на состязание муз и терпящем жестокое поражение, был воспринят современниками как вариация на тему судьбы художника, неспособного подняться до соперничества с великими мастерами прошлого. В главной роли дебютировал Николай Церетелли.

С этим спектаклем в творчество Таирова входит тема поэта, художника и его призвания, его судьбы.

А. Экстер.
Эскиз к спектаклю.

Адриенна Лекуврер, сыгранная Коонен в 1919 году,— это история души, опаленной любовью к сцене, беззащитной перед человеческим коварством и жестокостью.

«Театр, мое сердце не будет больше биться от волнения успеха. О, как я любила театр... Искусство!.. И ничего от меня не останется, ничего, кроме воспоминаний...»

А. Коонен—Адриенна Лекуврер.

На 750-м представлении «Адриенны Лекуврер» известный французский писатель Жан-Ришар Блок скажет, что Коонен и Таиров мелодраму превратили в трагедию, Скриба—в Шекспира. Последним спектаклем в 1949 году, после которого навсегда опустится занавес Камерного театра, станет «Адриенна Лекуврер».

Если «Адриенна» была трагической кульминацией московского театрального сезона 1919—1920 годов,

то его мажорной кодой стал другой таировский спектакль-каприччио по Э.А. Гофману—«Принцесса Брамбилла».

«Смех живой и живая радость—вот такова задача спектакля... утверждение жизнерадостности, бодрости жизни, ее приятия—вот к чему... стремились мы постановкой «Принцессы Брамбиллы» (Александр Таиров).

Камерный театр—первый подлинно синтетический театр. Его актеры могут все. Это подтвердил и блистательный спектакль «Жирофле-Жирофля», поставленный Таировым по классической оперетте Ш. Лекока в 1922 году. В нем сочеталась непринужденная веселость актерского капустника с безупречной слаженностью эстрадного шоу.

Жирофле-Жирофля—А. Коонен.
Мараскин—Н. Церетелли.

Аврора—Е. Уварова.

«Жирофле-Жирофля» пронизывали жажда смеха, проповедь дерзкой юности, насмешка над старыми предрассудками, разоблачение напрасных страхов и нестрашных опасностей» (**П. Марков**).

Макет
декорации.
Худ.
А. Веснин.

Камерный театр—это театр полярных жанров. Сегодня—легкомысленная оперетта, завтра—классицистская трагедия. В 1922 году Таиров ставит «Федру» Ж. Расина.

Это был великий спектакль, поразивший воображение современников. Казалось, что в одиноких фигурах Федры—Коонен, Ипполита—Церетелли, Тезея—Эггерта, облаченных в античные туники и шлемы, запечатлена *«трагедия детей и внуков самих богов»*, как писал А.В. Луначарский.

«Повторите госпоже Коонен, что я каждый день думаю о ней, о каждом ее шаге на пути любви, об ее километрах красных тканей, о ней, об этой женщине, которая теряла потоки крови и захлебывалась в ней».

Жан Кокто

Премьеры 1922 года— «Федра» и «Жирофле-Жирофля» поставили Камерный театр на небывалую высоту. Теперь это один из самых знаменитых театральных коллективов Европы. Триумфальные гастроли во Франции, Германии, Австрии, а позднее в Южной Америке подтвердили эту репутацию.

«Большевистский театр»,—говорили одни с восхищением, другие с ненавистью. «Если Московский Камерный театр—дитя большевизма, то большевизм не только не уничтожает, но, наоборот, освобождает творческие силы», — констатировала западная пресса.

На гастролях в Буэнос-Айресе. 1930 г.

20-е годы в жизни Камерного театра—это поиск нового, актуального содержания, нового стиля, отвечающего потребностям и вкусам времени. В 1924 году Таиров ставит «Грозу» А.Н. Островского.

Катерина—
А. Коонен.

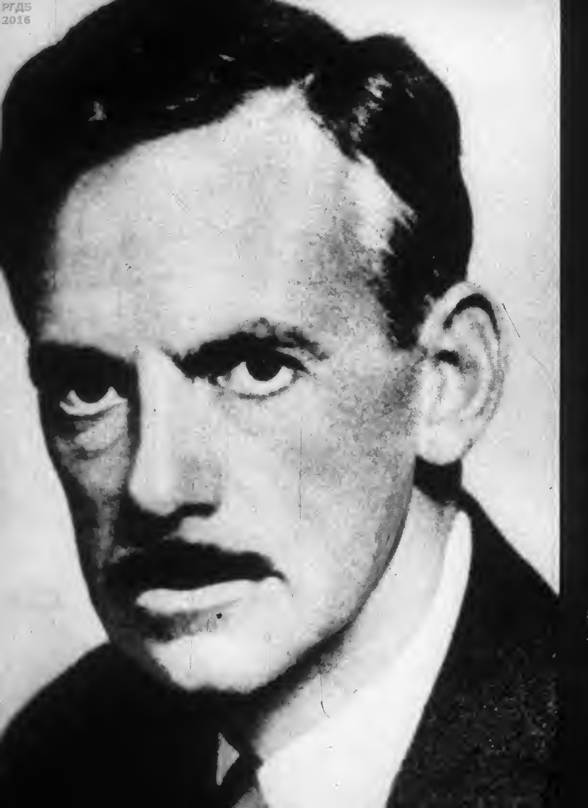
Это было его первое обращение к русской классике, первая попытка Камерного театра заговорить на родном языке.

Кружным путем экспериментов, срывов и немногих удач Таиров шел к новой социальной проблематике, к своим лучшим спектаклям 20-х годов—так называемого о'ниловского цикла—«Косматая обезьяна» (1926), «Любовь под вязами» (1926), «Негр» (1929).

«Негр».

«Любовь под вязами».

«Юджин О'Нил дал нам возможность, не отбрасывая накопленного нами опыта, найти новые приемы в подходе и построении как сценических образов действующих лиц, так и декорационной установки».

А.Я. Таиров

«Косматая обезьяна»—спектакль о сироте, обделенной светом культуры и духовности, о нищете, которой ненавистно всякое богатство. Контрасты трюма

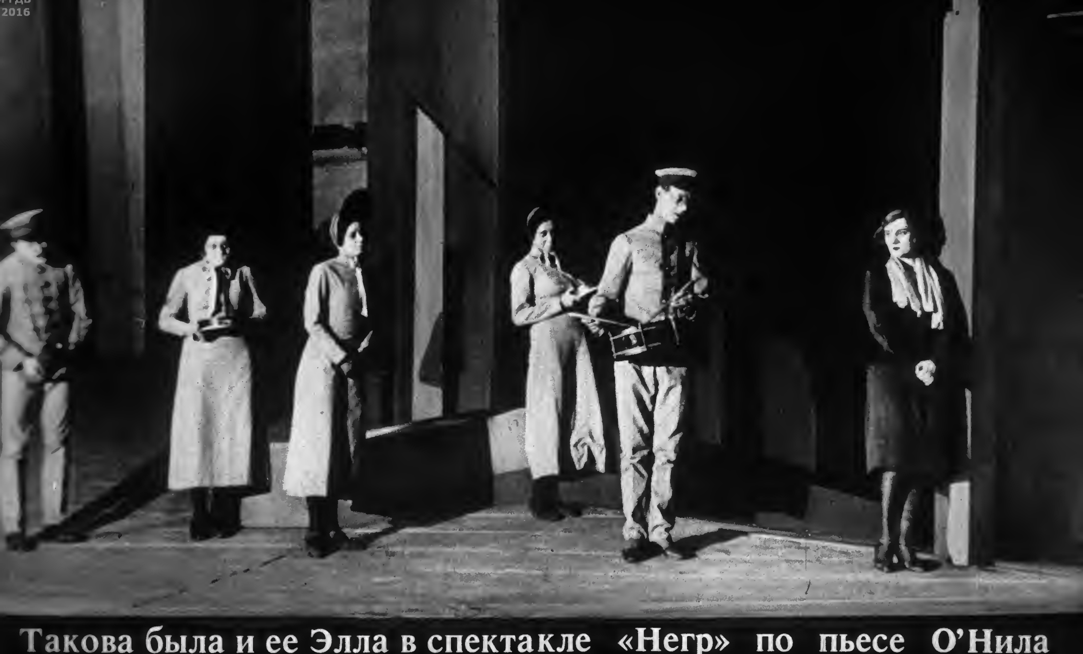

и палубы 1-го класса на тихоокеанском лайнере, кочегаров и праздной толпы на нью-йоркской 5-й авеню запоминались зрителям надолго.

В «Любви под вязами» мощно звучало осуждение частной собственности, вставшей поперек судеб трех тесно связанных людей—старика фермера, его молодой жены и сына.

Эбби Кабот, какой ее сыграла Коонен, привыкла жить в тисках корыстных интересов, расчетов и выгод. Но по натуре она не хищница, не злодейка, а жертва, женщина с обойденной счастьем душой.

Такова была и ее Элла в спектакле «Негр» по пьесе О'Нила «Всем божьим детям даны крылья». Одинокая, решительная, истязающая себя, воспаряющая и снова падающая духом.

В этом спектакле Таиров первым в советском театре поднял расовую проблему. Достойным партнером Коонен был Иван Александров в роли Джима.

А.Я. Таиров первым откроет драматургию Б. Брехта на советской сцене, поставив в 1930 году «Трехгрошовую оперу» («Опера нищих»).

Мак—
Ю. Хмельницкий.

1933 год вошел в историю советского театрального искусства как год премьеры «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского в Камерном театре.

«Небо, Земля, Человек»—краткий девиз к спектаклю, придуманный его художником В. Рындиным, хорошо формулировал замысел Таирова.

Спектакль строился на неистовом движении *«по своеобразной кривой, ведущей от отрицания к утверждению, от смерти к жизни, от хаоса к гармонии»*, отмечал Б. Медведев.

А. Коонен в роли Комиссара — «профессионал революции», подчинившая себе неуправляемую, бунтующую матросскую массу анархистов. Она убеждала не митинговой страстностью речей, а логикой и ясностью доказательств, своей правдой и правотой.

Победа человеческого духа, прославление человека и вера в него, в его могущество сливались с победой социалистической идеи. Смерть Комиссара не только не зачеркивала революцию, но, напротив, означала ее победу.

Необычным по замыслу был спектакль «Египетские ночи», приуроченный к двадцатилетнему юбилею театра в 1934 году. Таиров задумал соединить в одном представлении «Цезаря и Клеопатру» Шоу, «Египетские ночи» Пушкина, «Антония и Клеопатру» Шекспира. Рискованный эксперимент опирался на смелость и актерское честолюбие Коонен.

Она хотела сыграть Клеопатру и угловатой девочкой, полуребенком, и зрелой женщиной, царицей, гордой правительницей Египта. Однако вдохновенная игра Коонен не смогла компенсировать некоторую помпезную тяжеловесность всей постановки.

Обсуждение макета декорации.

В 1940 году Таиров обратился к роману Г. Флобера «Мадам Бовари», чтобы создать один из самых законченных и совершенных своих спектаклей.

Вместо маленькой буржуазки Бовари, обыкновенной женщины, «какие встречаются чаще других», Камерный театр выдвинул натуру сильную, своевольную, бунтующую.

Эмма—
А. Коонен.

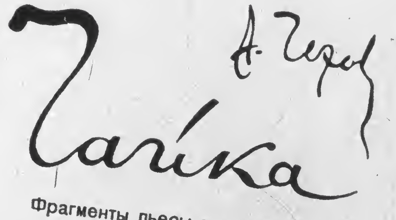
Вместо обывателей Ионвиля—целую галерею законченных типов, характеров, которые все вместе являли образ «гангрены жизни», о которой с таким гневом писал Флобер.

Премьера «Мадам Бовари» совпала с началом второй мировой войны. И. Эренбург сравнит Эмму в исполнении Коонен с Францией, преданной коллаборационистами. *«И когда по сцене мечется агонизирующая Эмма, встает пред глазами Франция июня прошлого года, убегающая навстречу смерти».*

В середине сороковых годов Таиров осуществит постановку двух спектаклей по произведениям отечественной классики—«Чайка» А.П. Чехова (1944) и «Без вины виноватые» А.Н. Островского (1944).

К сорокалетию со дня смерти А. П. Чехова

Фрагменты пьесы в концертном исполнении

Сценическая композиция
АЛЕКСАНДРА ТАИРОВА

ДЕЙСТВУЮ

Ирина Николаевна Аркадина
по мужу Треплева

Константин Гаврилович Тр
ее сын

Петр Николаевич Сорин

Нина Михайловна Заречная

Илья Афанасьевич Шамраев

Полина Андреевна — его жена

Маша — их дочь

Борис Алексеевич Тригорин

Евгений Сергеевич Дорн, врач

Семен Семенович Медведенко,
учитель

Режиссеры: Нар. арт. Р
Засл. арт. Ре

Художник: Е. К. Ковален

Музыка из произведений П

Дирижер Засл. арт. Респ.

Соло на рояле — С. А. Гор
Соло на скрипке — Вера Кар
Дуэты: А. Ф. Лякова и Т. Л.

Свет — Г. К. Самойлов

Зав. пост. частью Ф. Ф. Трубец

Ведет спектакль М. Н. Ганшина

Начало в 7 часо

Антракт между первой и вт

В них А. Коонен сыграет роли двух актрис, женщин, предназначенных к сцене судьбой и талантом: Нину Заречную и Кручинину.

Кручинина— А. Коонен.
Незнамов— В. Кенигсон.

«Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни». Эти слова из «Чайки» могли бы стать эпиграфом ко всей жизни Таирова и Коонен в искусстве.

Давно уже нет на театральной карте Москвы Камерного театра, нет в живых и его создателей, но легенда о выдающихся мастерах сцены Александре Таирове и Алисе Коонен напоминает о себе каждый раз, когда театральные подмостки дарят нам минуты художественного совершенства.

Юбилейная выставка в Московском драматическом театре им. А.С. Пушкина, посвященная 100-летию А.Я. Таирова.

КОНЕЦ

Автор
С. НИКОЛАЕВИЧ
Художник-оформитель
Е. ЛЕХТ
Редактор
В. Кремень

Д-008-87 Т02169

103 062, Москва,
Старосадский пер., 7

Черно-белый 0-20

50